



С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель*

Тема моего доклада может показаться рискованной. Может показаться, что с моей стороны слишком смело говорить о Ключевском как социологе и политическом мыслителе, — потому что я лично никогда не знал, не слышал и даже не видел покойного ученого. Ведь Ключевский не оставил сочинений, специально посвященных социологии и политике; и поэтому, казалось бы, только личное, интимное общение с ним могло бы дать достаточный материал для суждения о его социологических и особенно политических взглядах. Конечно, это так. Лучше всего осветить Ключевского с этой стороны может тот, кто его знал лично — и многие из присутствующих сделали бы это, разумеется, лучше меня. Однако мне кажется, что и другой подход в этой теме, подход чисто-исторический, суждение не по личным впечатлениям, а по документам, является научно вполне законным и может быть плодотворным.

В подтверждение этой мысли позвольте мне сослаться на самого Ключевского. В одной из своих речей о Соловьеве он говорит, что главные биографические факты в жизни ученого и писателя — это книги**. И добавлю — именно в книгах, посвященных специальности данного писателя, полнее и лучше всего отражается весь его духовный облик, все его мирозерцание. И здесь позвольте опять сослаться на Ключевского. В статье, посвященной Пушкину, он говорит, что Пушкина нельзя обойти в нашей историографии, хотя он и не был историком по ремеслу. «Пушкин был историком там,

* Доклад, читанный в Историческом кружке имени А. С. Лаппо-Данилевского 2 ноября 1920 г.

** *Ключевский В. О.* Очерки и речи. 2-й сборник статей. Изд. Нар. Комиссариата Просвещения, П., 1919 г., стр. 25.

где не думал быть и где часто не удастся стать им настоящему историку. “Капитанская Дочка” была написана им между делом, среди работ над пугачевщиной; но в ней больше истории, чем в “Истории Пугачевского бунта”, которая кажется длинным историческим примечанием к ней*.

И то же можно сказать о самом Ключевском: его нельзя обойти в истории русской общественной мысли, хотя он не был ни социологом, ни политиком по ремеслу.

Правда, относительно социологии это положение нуждается в оговорке: для Ключевского социология была очень тесно связана с историей. В «Курсе русской истории» он различает два главных направления в исторической науке — историю культуры, или цивилизации, и «историческую социологию»; содержание первой составляют «результаты исторического процесса», а второй — «силы и средства его движения», «исторические силы, строящие общежитие». Своим призванием он считал именно вторую, говоря, что при изучении всякой местной истории (следовательно, и русской в частности) «целый ряд соображений побуждает историка быть по преимуществу социологом**». История должна быть подготовительной стадией к социологии, которая возникнет в результате массы исторических обобщений и явится, таким образом, «торжеством исторической наука». И поэтому первые две лекции его «Курса» посвящены специально социологическим вопросам об «основных силах общежития». К содержанию их я сейчас и перейду; но уже заранее скажу свой вывод: не они представляют главный интерес для социолога в сочинениях Ключевского. Мысль автора выражена тут довольно туманно***, многое очень спорно — словом, чувствуется, что тут автор не в своей стихии. Гораздо интереснее для социолога те места того же «Курса», где Ключевский остается историком — применяемый им на практике метод исследования (иногда, быть может, — бессознательно) одинаково поучителен и для историка, и для социолога.

Точно так же, когда мы хотим узнать и оценить Ключевского как политического мыслителя, мы должны обратиться не к речам

* Там же, стр. 59.

** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I, изд. 5-е, М., 1914, стр. 3 и 5–6.

*** Впрочем, эта неясность отчасти объясняется стремлением автора быть кратким. Это видно при сравнении этих страниц «Курса рус. истории» с более ранним курсом Ключевского по «методологии истории», читанном в 1884 г., где подробнее развиты однородные мысли.

его в Комиссии о печати Д. Ф. Кобеко¹ или в Петергофских совещаниях, предшествовавших «Учреждению Государственной думы» 6 августа 1905 г.², — но к его историческим трудам. В упомянутых политических речах Ключевского много гражданского мужества и здравые теоретические и практические соображения. Но ничего особенного мы в них не найдем — они звучат довольно шаблонно, даже трюизмами (хотя тогда, в той обстановке, они звучали, конечно, иначе). Гораздо ярче проявляется политическое миросозерцание Ключевского в его «Курсе русской истории», в мимолетных замечаниях и метках эпитетах, как-то незаметно вплетающихся в изложение и придающих ему такую живость и красочность. Ключевский не был бесстрастным летописцем типа пушкинского Пимена. Он прямо заявлял, что не видит научного греха в «моралистике» (которую он отметил у Соловьева), потому что «моралистика» — «та же прагматика, только обращенная к сознанию своей нравственной стороны»³. Ключевский не только излагал события и деяния прошлого, но и оценивал их с абсолютной точки зрения своего этического идеала. Например, говоря о том, что в XVI веке в Москве правительство государственное и церковное всего требовало от народа и ничего, или почти ничего, не давало ему взамен, он прибавляет: «Может быть, ожидать от того и другого чего-либо большего в XVI веке значило бы предварять время; но установить отсутствие того, чего желательно было бы ожидать от них, бесспорно, значит определить их политический возраст, как и меру их внутренней нравственно-общественной силы»⁴. При этом оценка прошлого часто превращалась у него в самую недвусмысленную оценку настоящего, — что, конечно, много помогает выяснению политических взглядов Ключевского. Когда он называет опричников «легитимизованными мундирными анархистами», возмущавшими нравственное чувство христианского общества, которое, однако, терпело и молчало, а Малюту — «как бы шефом этого корпуса», и замечает, что опричники, «выводя крамолу, вводили анархию»⁵, то эти слова звучат в его устах определением политического возраста не только прошлого, но и современного ему русского общества.

* О речах Ключевского в комиссии Кобеко подробно рассказывает А. Ф. Кони в сборнике «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» М., 1912, изд. «Научного слова», стр. 157–160. См также «Петергофские совещания», изд. 2-ое Пг., 1917. изд-ва «Пламя» стр. 54, 60–62, 91–94, 138–139.

** Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. стр. 35.

*** Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. II, изд. 4-е, М., 1916, стр. 445.

**** Там же, стр. 513 и 231.

Значение Ключевского в русской исторической науке давно оценено и бесспорно. Мне об этом говорить незачем. Целые поколения русской интеллигенция воспитались на чтении его сочинений по русской истории. Отсюда ясен и тот интерес, который имеет выяснение социологических и политических взглядов Ключевского, поскольку они отразились в его исторических трудах.

I

Самым крупным «биографическим фактом» в жизни Ключевского как историка было появление знаменитой «Боярской думы», печатавшейся первоначально в «Русской мысли»³. Она была встречена восторженно; в ней увидели воплощение новых взглядов, пришедших на смену старым в исторической науке. Еще недавно ее называли даже «манифестом новой исторической школы»^{*}.

В предисловии к «Боярской думе» автор сам постарался выяснить, в чем заключается новизна, особенность его исследования. До сих пор, говорил он, историки наших учреждений — историки-юристы, по преимуществу — изображали исключительно их «техническую сторону», их строй и действие. Но «изучение их не следует ограничивать вопросами правительственной механики... Перед нами еще социальный материал, из которого они построены», а «в истории политических учреждений строительный материал часто важнее самого строя». С социальным составом учреждений тесно связан вопрос об интересах тех общественных классов, в руках которых находятся эти учреждения. Очередной задачей историков наших древних учреждений Ключевский признал поэтому выяснение тех общественных классов и интересов, «которые за ними скрывались и через них действовали»^{**}. Та же мысль была суммарно выражена в подзаголовке «Боярской думы»: «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества».

Все это как нельзя более соответствовало духу времени, когда в русском образованном обществе царили социологи и экономисты, от Конта до Маркса⁴. Но тогда же появилась и критика. Так, киевский профессор Владимирский-Буданов⁵ почувствовал себя задетым

* Б. И. Сыромятников — в сборнике: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 80.

** «Русская мысль», 1880 г. № 1, стр. 53–54, 48. Ту же постановку вопроса видим в статье о «составе представительства на земских соборах XVI века» (Ключевский В. О. Опыты и исследования. Первый сборник статей. изд. 2-е. М., 1915. стр. 428–429).

как историк-юрист и в рецензии на первые главы «Боярской думы» указал, что метод Ключевского вовсе не нов, что уже Градовский и Дитятин⁶ изучали историю учреждений в связи с историей общества*. Действительно, если мы возьмем, например, «Историю местного управления в России» Градовского⁷, то увидим, что автор (следуя тому направлению, которое установилось в государственной науке с Лоренца ф. Штейна⁸) связывает судьбы местного управления на Западе и в России с составом местного общества, причем исторически «различие административного организма» у него «является только следствием перемен, происшедших в провинциальном обществе»**. Его книга (после теоретического вступления «Государство и провинция») состоит из двух разделов; первый (и притом больший по объему) озаглавлен: «Общественные классы в России XVI и XVII вв.», и только второй говорит собственно об «административном делении и местном управлении в России XVI и XVII вв.».

В своем ответе Владимирскому-Буданову Ключевский скромно заявил, что он не считает своего метода за «новое направление в науке», за «открытие», что мысль его «не нова»; напротив, он боялся, что его направление покажется очень узким, а узость направления, конечно, «не открытие, а очень старая старина». Историки-юристы хорошо решали свои задачи; теперь очередь за историками не-юристами, — к которым он причислял и себя, — осветить те стороны в истории наших учреждений, которые остались на их долю***.

Однако в этих словах больше скромности, чем истины. В «Боярской думе» было, несомненно, нечто «новое» в исторической науке. Между методом Градовского (и его ученика Дитятина) и методом Ключевского, кроме сходства, есть и существенное различие. Градовский говорит о классе в довольно неопределенном смысле, отождествляя его чаще всего с сословием. Если у него и проскальзывают иногда намеки на экономические интересы**** — этот глав-

* Рецензия напечатана в «Сборнике государ. знаний». 1880. Т. VIII, отд. критики в библиографии.

** Градовский А. Д. Собрание соч. Т. II. СПб., 1899, стр. 309. «История местного управления в России» появилась на 12 лет раньше «Боярской думы», в 1868 г.

*** Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей, стр. 353–354 и 350.

**** Так, Градовский отмечает ту разницу между русским дворянством XVI–XVII вв. и западными феодалами, что первое не имело «прочных экономических основ в честности», что «экономические интересы не связывали его с местностью» (Градовский А. Д. Собрание соч. Т. II, стр. 309), но мысль эта не обосновывается и не развивается.

ный, конституирующий признак класса, — то делается это как бы невольно, и автор на них не задерживается. Напротив, Ключевский сознательно подчеркивает момент экономических интересов и экономики вообще; центр тяжести «Боярской думы», ее лучшие страницы, заключается в чрезвычайно ярком, конкретном воссоздании хозяйственного быта удельного княжества в верхнем Поволжье, на почве которого выросли своеобразные политические учреждения.

Однако экономическая точка зрения для Ключевского, историка и социолога, не была доминирующей. Правда, у него есть работы, специально посвященные экономической истории: «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» и весьма замечательная статья — «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему»⁹. Но экономический момент интересовал его не сам по себе, а лишь в связи с общественными классами. Эта черта была уже отмечена критикой, и на этом основании была сделана попытка охарактеризовать Ключевского как «историка общественных классов»*. Однако эта характеристика не может быть признана вполне точным и правильным выражением историко-социологических взглядов Ключевского.

Ключевский был большой мастер вскрывать подчас замаскированные материальные интересы, являвшиеся действительными стимулами массовых движений; при этом он безжалостно разрушал всякие иллюзии и сложившиеся традиции. Так, характеризуя малороссийское казачество в период польского владычества, он указывает, что ранние казацкие восстания против Речи Посполитой носили чисто-социальный характер без всякого религиозного или национального оттенка: главной целью их был просто грабеж. Но обстоятельства (гл. обр. — Брестская уния 1596 г.) навязали «этой продажной сабле без Бога и отечества» «религиозно-национальное знамя, судили высокую роль стать оплотом западно-русского православия». Ключевский дает тут тонкий психологический анализ социального движения низов — казаков и хлопов — против высших классов. «Церковная уния не объединила этих классов, но дала им новый стимул их совместной борьбе и помогла им лучше понимать друг друга: и казаку, и хлопам легко было растолковать, что церковная уния — это есть союз ляхского короля, пана, ксендза и их общего агента жида против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский. Сказать загнанному хлопам или своевольному казаку,

* М. М. Богословский — в сборнике: «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», стр. 39.

помышлявшим о погроме пана, на земле которого они жили, что они этим погромом поборают по обижаемому русскому Боге, значило облегчить их совесть, придавленную шевелившимся где-то на дне ее чувством, что как никак, а погром, но есть доброе дело»*.

Особенно беспощаден Ключевский в IV части своего «Курса» по отношению к русскому дворянству. Уже в Смутное время, низложив царя Василия, дворянское ополчение объявило себя всей землей: «Игнорируя остальные классы населения, но заботливо ограждая свои интересы, и под предлогом стояния за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую веру, провозгласило себя владыкой русской земли. Крепостное право, осуществившее эту лагерную затею... внесло в него объединяющий интерес и помогло разнородным слоям его сомкнуться в одну сословную массу». В дворянском ополчении, говорит он далее, «какой-то инстинктивной похотью сказала мысль завоевать Россию под предлогом ее обороны от внешних врагов»**. В деле освобождения крестьян решающее значение имели не филантропические побуждения верхов, а стихийные возмущения низов, не желавших нести иго крепостного права. И «если бы народ терпеливо вынес такой порядок, — прибавляет Ключевский, — Россия выбыла бы из числа европейских стран»***.

Ключевский умел также выпукло изобразить роль общественных классов в политическом строе страны. Так, основной причиной падения земских соборов он считал тот факт, что в русском обществе не образовалось влиятельного класса, для которого соборное представительство было бы настоящей политической-осознанной потребностью****. Власть в XVIII веке он изображает орудием одного класса; правительство стало дворянским — сословие, доселе бывшее привычным орудием правительства, само стало управлять обществом посредством правительства. Власть стала слугою «своего окружения», общественного класса, которого она боялась и в котором искала опоры*****.

* Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III, изд. 3-е, М., 1917, стр. 142–144.

** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV, изд. 2-е, М., 1916, стр. 92 и 111.

*** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III, стр. 13.

**** Там же, стр. 273.

***** Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. IV стр. 133, 449, 441 и др. Ср. в «Истории сословий» (М., 1913. стр. 9) замечания о сравнительной значении для сословий гражданских прав, увеличивающих для каждого человека сферу личной свободы и средства материального обеспечения, и прав политических: первые гораздо важнее, они — настоящая цель, к которой вторые относятся как средства.

В этих и других, подобных им, выражениях, рассыпанных в сочинениях Ключевского, нам слышатся чисто-марксистские ноты. И наши ученые марксисты охотно ими пользуются. Однако Ключевский очень далек от «материалистического понимания истории».

Во-первых, Ключевский едва ли даже читал Маркса. Мы нигде не видим у него даже следов знакомства с марксистской терминологией. Капитал для него есть «сочетание труда и природы», или «средства работы»; классы «различаются между собой родом капитала, которым работает каждый». Эти фразы звучат непривычно, дико для марксиста*.

Во-вторых, общественная группировка, по Ключевскому, происходит не только на экономической основе. Во введении к «Боярской думе» и затем в «Истории сословий» «он устанавливает два возможных пути возникновения общественных классов. Иногда политические факты вытекают из экономических, как их следствия — тут экономические классы превращаются в политические сословия. Но возможен иной порядок: в случае завоевания экономические факты могут оказаться следствиями предшествовавших им фактов политических. Именно таким путем, думает Ключевский, создавались многие государства средневековой Европы; в истории же русского общества «господствовали, по-видимому, смешанные процессы»**.

* «Методология истории»¹⁰ (литограф. курс, изданный в Петербурге с разреш. проф. Середонина), стр. 17; «Боярская дума», изд. 4-е, М., 1909, стр. 10 и 7. Приведя слова Ключевского, что капитал есть «средства для работы», Плеханов замечает, что «понятия наших исследователей о капитализме довольно своеобразны». См. его «Историю рус. обществ. мысли», т. I (СПб., 1914), стр. 57, прим. 4. По экономическим вопросам Ключевский, по-видимому, черпал сведения, гл. обр., из сочинений Чичерина, который был для него авторитетом в вопросах юридических. Ср. определение Чичерина: «Капитал есть произведение, обращенное на новое производство. В нем сочетаются природа и труд» — «Курс госуд. науки», ч. II, М., 1896, стр. 122.

Предыдущие строки были уже написаны, когда проф. И. М. Гревс¹¹ сообщил мне очень интересные сведения, подтвердившие мои предположения. Ключевский никогда Маркса не читал; и общий друг их А. В. Гизетти¹², сам марксист, пытался «просветить» Ключевского, посылая ему произведения Н. И. Зиберы¹³, известного популяризатора Маркса в России, хотя И. М. Гревс убеждал его, что Ключевский, если бы захотел, прочел бы самого Маркса, а «изложений» Маркса читать не станет.

** «Боярская дума», стр. 7–12. Ср. «Историю сословий» (М., 1913), стр. 15–19.

Этот второй путь возникновения общественных классов, очевидно, противоречит марксистскому догмату об «экономическом фундаменте» и «политической надстройке». И в своей «Истории русской общественной мысли» основатель и признанный вождь русского марксизма, Плеханов, широко заимствуя материал у Ключевского, в этом пункте постарался его опровергнуть и доказать, что такого процесса, в котором момент политической предшествовал бы экономическому, вообще не может быть, а может быть «лишь обратное влияние следствия на вызвавшую его причину»*.

Я не буду сейчас вдаваться в рассмотрение этого спора по существу — кто из них прав, и правильна ли самая постановка вопроса. Для меня важно сейчас отметить, что Плеханов не признал Ключевского своим единомышленником. Но разногласие между ними не ограничивается вышеприведенным пунктом о соотношении политических и экономических фактов, а идет гораздо глубже. Тут — коренное расхождение в историческом миросозерцании.

Свое понимание задач и метода истории Ключевский изложил сначала в «Методологии истории» (к сожалению, оставшейся ненапечатанной) и затем во вступительных лекциях «Курса русской истории». Из сравнения этих двух курсов мы можем видеть, как развивались и изменялись его взгляды.

Предмет истории, говорит Ключевский в своей «Методологии», есть происхождение, развитие и свойство людских союзов. Людские союзы разделяются на два вида: первичные, или естественные, и вторичные, или искусственные. Естественных союзов он насчитывает 6: первобытное бессемейное общество, материнская семья, патриархальная семья, род, триба, племя. Два «главных искусственных союза, которыми живет в настоящее время культурное человечество», — это государство и церковь. Естественные союзы строятся на инстинктах, искусственные — на целях. Особенное внимание Ключевский уделяет государству. «Когда встречаем ряд союзов, в которых нет естественных признаков, но которые чувствуют себя соединенными для цели общего блага, то это — государство... Как скоро племя становится на это новое основание единения, его следует называть государством. Итак, народ есть племя, которое стало государством». Под покровом двух главных союзов — государства и церкви — развиваются союзы частные, «из которых каждый примыкает к цели того или другого главного со-

* Плеханов, «История рус. обществ, мысли», т. I (М., 1914), стр. 16, 21, 24.

юза»; поэтому одни из них частные союзы государственные, другие духовные. «Сословие, например, союз частно-государственный»*.

В этом перечислении «людских союзов» мы не находим класса; можно только догадываться, что место его среди «частно-государственных» союзов. И на страницах «Методологии истории», которая все время трактует социологические вопросы — об «элементах» и «основных силах» общежития, об историческом процессе, о законах общежития, — нигде нет ни слова о классе.

В «Курсе русской истории», являющемся завершением научного творчества Ключевского, он выявляет свое историческое credo гораздо определеннее и ярче, чем в «Методологии истории». Предмет его изучения — народность, ставшая в государстве особой исторической личностью. Нарисовать «хотя бы в общих очертаниях образ русского народа как исторической личности» — вот какую «научную цель» ставит себе Ключевский**. Тут он считает себя историком русского народа, а не историком русских общественных классов. Но та же точка зрения, хотя и не получившая такой отчетливой формулировки, доминирует и в «Боярской думе». Устройство и значение боярской думы имело опору в обычае, созданном историей самого Московского государства. Это государство было народным лагерьем, образовавшимся в Великороссии, боровшейся на три фронта. «Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты». «Московская боярская дума по своему устройству и характеру деятельности была созданием того же факта, который послужил исходной точкой истории самого Московского государства. Это государство началось военным союзом местных государей Великороссии под руководством самого центрального из них, союзом, вызванным образованием великорусской народности и ее борьбой за свое бытие и самостоятельность. Дума стала во главе этого союза со значением военно-законодательного совета местных союзных государей с их вольными слугами-боярами, собравшихся в Москве под председательством своего вождя»***. Так, начав изучать

* «Методология истории», стр. 6–8. Учение о естественных союзах заимствовано Ключевским, по его собственным словам, из книжки Giraud-Teulon'a "Les origines du mariage et de la famille"¹⁴, в свою очередь являющейся популяризацией сочинений Бахофена и Мак-Леннана¹⁵. Эти заимствованные взгляды не стоят ни в какой органической связи с общими историческим мирозерцанием Ключевского и совершенно на нем не отразились.

** «Курс рус. истории», ч. I, стр. 34.

*** «Боярская дума», заключительная глава, стр. 524–530.

боярскую думу в связи с историей одного класса Московского общества, Ключевский в конце концов связал ее «устройство и значение» с судьбами великорусской народности и государства.

Ключевский знает, что в истории постоянно идет борьба классов; но он умеет выдвинуть и факторы, ей противодействующие. Так, при Грозном социальные несогласия умолкали перед лицом религиозных и национальных опасностей — «как будто какой-то высший интерес парил над общим том, над счетами и дрязгами враждовавших общественных сил». Точно так же, в Смутное время «спасли общество крепкие национальные и религиозные связи». «Казацкие и польские отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими население, заставили, наконец, враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи». И вообще Московское общество, по мнению Ключевского, в противоположность обществу послепетровскому, составляло «однородную нравственную массу», в которой было «некоторое духовное согласие вопреки социальной розни»*.

Итак, Ключевский брал общество в целом, старался, как увидим дальше, определить для каждого данного момента «уровень общежития» всего народа как исторической личности. Ясно, что для этой цели противоречивые экономические интересы различных общественных классов не могли дать ему руководящей нити. Что же, спрашивается, может послужить этой руководящей нитью для историка и социолога, изучающего строение и развитие данного общежития?

«Факторами общежития» и источниками его «элементов» (т. е. общественных связей: элементами общежития являются язык, кровное родство, пол, возраст, труд, капитал, право и т. д.) в «Методологии истории» Ключевский признает четыре силы: 1) природу страны, 2) физическую природу человека, 3) личность и 4) общество. Первые две силы относятся к природе, вторые две являются проявлением «человеческого духа». При этом «общество» понимается просто как «потребность общения», а отнюдь не как «социальный организм». Кроме того, Ключевский склонен допустить («об этом, впрочем, надо еще подумать», замечает он) еще пятую силу. «Факты, часто вызванные временной необходимостью, превращаются в привычки, в предание, девствующее даже,

* «Курс рус. истории», ч. II, стр. 514; ч. III, стр. 61 и 469.

когда минет эта временная потребность». Это «бремя предков» передается следующим поколениям, и от него трудно, а иногда невозможно освободиться. Эта пятая сила, в которой проявляется (как и в личности и в обществе) «человеческий дух», может быть названа «историческим преемством». Каждая из этих первичных сил создает особые «элементы» общежития. Так, источником пола, возраста, инстинкта кровного родства является физическая природа человека; личность проявляется «в функциях мысли и чувства»; источник права, обмена, порядка надо искать в обществе; сила исторического преемства проявляется в обычае, в предании. Некоторые элементы являются продуктами совместного действия нескольких сил: таковы, например, труд и капитал, являющиеся результатом совместной деятельности личности и природы. Результат взаимодействия всех этих сил и называется «историческим процессом»*.

Эта схема факторов общежития как «первичных сил, создающих и движущих совместную жизнь людей», повторяется в «Курсе русской истории» в несколько измененном и сокращенном виде. Природа не подразделяется на природу страны и физическую природу человека. Пятая сила — историческое преемство — исчезает. Противоставление личности и общества поясняется и углубляется другим: противоставлением политических и экономических фактов тому, что Ключевский своеобразно называет «идеями». В план «Курса», говорит Ключевский, входит изложение политических и экономических фактов — и только. «Идеи», т. е., домашний быт, нравы, успехи знания и искусства, литература, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни — исключаются. Не потому, что они будто бы не факторы исторического процесса. «Я не знаю общества, свободного от идей, как бы мало оно ни было развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они — общество». Разделяя, таким образом, т. н. «психологическое» понимание общества, Ключевский не мог отрицать роли «идей» в истории. «Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества, самыми могущественными двигателями человеческого развития»**. Если

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 26 и 33.

** «Методология истории», стр. 26–28, 32–34. Термин «элемент общежития», может быть, заимствован тоже у Чичерина, — см. в его «Социологии» («Курс госуд. науки», ч. II) гл. II «Элементы общества», а также в «Философии права», М., 1900. стр. 284–235. Впрочем, Чичерин не дает определения употребляемому им термину, и смысл его неясен.

тем не менее в основу курса Ключевский клал факты политические и экономические, то по соображениям методологическим.

История имеет дело не с человеком, а с людьми; она изучает людские отношения. Но идеи — это плоды личного творчества; и только будучи переработаны в общественные отношения, сделавшись общим достоянием, правилом, они становятся предметом истории. Политические и экономические факты — это те же идеи, но получившие надлежащую «обработку»; они «проявляются в актах не единоличного, а коллективного характера, в законодательстве, в деятельности разных учреждений, в юридических сделках, в промышленных предприятиях — в обороте политическом, гражданском, хозяйственном». Конечно, «не одними канцеляриями и рынками движется историческая жизнь, но с них удобнее начинать изучение этой жизни». Тут «мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов» и стали «достоянием всего общества». И поэтому «политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни»*.

Затем Ключевский устанавливает различие между политическими и экономическими фактами, чтобы показать необходимость совместного их изучения для всестороннего понимания общества. Жизнь политическая и жизнь экономическая — это две различные области жизни, где «господствуют полярно-противоположные начала: в политической — общее благо, в экономической — личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое питает ненасытный эгоизм». «Человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал». Но как возможно это взаимодействие столь противоположных начал? Оно возможно потому, что «в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают его эгоистические увлечения». Действительно,

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 26–28, 30. Зародыш этого противопоставления «идей» политическим и экономическим фактам можно найти в «Методологии истории», где изображается превращение личных ощущений в общественные обязанности. «Личная потребность, став общей, превращается в общественное учреждение, действующее обязательно и тогда, когда бездействуют условия, его вызвавшие» (стр. 1,56). Но тут нет еще понятия «политического» и «экономического» факта и всех связанных с ним рассуждений. Исчезновение «исторического преемства» как особого фактора понятно: ведь «бремя предков» есть «достояние всего общества», оно отражается в политическом и экономическом порядке и потому должно быть отнесено к проявлению «общества». Сам Ключевский в одном месте «Методологии» (стр. 115) называет обычаи и предания продуктом «общества».

«в отличие от государственного порядка, основанного на власти и повиновении, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы, как выражения свободной воли. Но эти силы, одушевляющие и. направляющие экономическую деятельность, составляют душу и деятельности духовной. Да и энергия личного материального интереса возбуждается не самим этим интересом, а стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю», — а внутренняя, умственная и нравственная, свобода «на высшей ступени своего развития» вырабатывает сознание нравственного долга действовать на пользу общую. Вот на этой-то нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал: «развивающееся нравственное сознание сдерживает личный интерес во имя общей пользы..., не стесняя законного простора, требуемого личным интересом. Следовательно, взаимным отношением обоих начал, политического и экономического, торжеством одного из них над другим или справедливым равновесием обоих измеряется уровень общежития»*.

Тут мы имеем перед собою стройную систему, целую политическую философию, которая говорит не только о том, что фактически бывает, но и что должно быть, что является «законным» и «справедливым»... Источник этой философии совершенно ясен: это гегельянство в той его формулировке, какую дал учитель Ключевского — Чичерин**.

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 31–32.

** Ключевский слушал лекции Чичерина уже по окончании университетского курса, будучи оставленным при университете; он сам не раз говорил впоследствии, что Чичерин оказал на него большое влияние. См. «В.О. Ключевский. Характ. и воспом.», стр. 31. Б. Сыромятников¹⁷, склонный противопоставлять Ключевского как «реалиста» метафизику Чичерину, признает, что «в умственном складе Ключевского есть что-то чичеринское» (там же, стр. 76). Правильнее было бы сказать, что глубоко-философский ум Чичерина, с его ясной и непреклонной логикой, дал Ключевскому, который отнюдь не был философом, некоторые основные логические схемы, которые иногда бледнели в его сознании, но никогда уже не исчезали. Что касается «умственного склада», то Ключевский был прямой противоположностью Чичерину. Чичерин был непреклонный догматик, с удивительным постоянством и утомительным однообразием повторявшим одни и те же мысли в течение нескольких десятков лет. Напротив, «коренной чертой» всего духовного склада Ключевского признается «полная свобода от всякого догматизма». «Как очень чувствительный измерительный аппарат, его психика находится в вечном колебании» (Милюков — в сборнике: «В.О. Ключевский. Характ. и воспомин.», стр. 200). Для иллюстрации зависимости изложенных в тексте взглядов Ключевского от Чичерина я приведу несколько цитат из сочинений последнего.

Любопытно сравнить это место у Ключевского с одной из ранних статей Маркса — «К еврейскому вопросу»¹⁶. Исходя из гегелевского противопоставления государства и гражданского общества, Маркс говорит, что современный человек ведет двойную жизнь — небесную и земную: «Жизнь в политическом обществе, где он является существом по преимуществу общественным, и жизнь в буржуазном обществе» (оно, в другом месте, называется «сферой эгоизма, войны всех против всех». С. Т.), в котором он участвует как человек частный. Но из одной и той же гегелевской схемы делаются совершенно различные выводы. Маркс видел исход из этого противоречия между государством и гражданским («буржуазным») обществом в уничтожении этой двойственности путем поглощения частного начала общественным, так что человек должен стать «настоящим родовым существом» во всех отношениях, «в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде», когда он «познает и организует свои личные силы как общественные силы»*. Ключевский же остается верен своему учителю. Подобно Чичерину, он, указывая и историческую возможность торжества то политического, то экономического начала, нормальным считает «справедливое равновесие обоих».

«От племени народность отличается тем, что в первом преобладает связь, основанная на происхождении, а во второй — сознание духовного единства» («Курс госуд. науки», т. I, М., 1894. стр. 80–81). «Народность становится личностью в государстве» («Философия права», стр. 75). Определение капитала и понятие «элементов общества» — см. выше, прим. на стр. 158 и 161. Противопоставление государства, где господствует цель «общего блага», гражданскому обществу, «области частных отношений и частных интересов» — «Курс госуд. науки», т. I, стр. 84–89. О значении личной свободы как движущей силы не только экономического, но и духовного развития и о примирении начал нравственности и личного интереса: «Между экономическими отношениями и нравственными требованиями есть та общая черта, что те и другие суть явления свободы» («Философия права», стр. 264). «Улучшая свой материальный быт, человек заботится и о благосостоянии семейства, он хочет обеспечить своих детей, и это составляет одно из высших нравственных побуждений. Не лишенный нравственного чувства человек уделяет и другим часть своего избытка. Так. обр., преследование личного интереса служит вместе с тем источником нравственной деятельности». Но промышленное предприятие, основанное не на расчете, а на любви, будет разорительно. «Высшая задача человеческой жизни заключается не в замене одних начал другими, а в их соглашении... Это соглашение достигается тем, что в общем порядке человеческой жизни каждый элемент получает принадлежащее ему место» («Собственность и государство». Т. I. М., 1882, стр. 277–278).

* Маркс, «К еврейскому вопросу», перев. под ред. Луначарского, П., 1919, стр. 15, 17, 22, 23.

Но каким способом, по каким уловимым признакам можно определить этот «уровень общежития», устанавливаемый взаимными отношениями политического и экономического начал? Во-первых, отвечает Ключевский, он выясняется «самим ходом событий политической жизни и связью явлений экономических». Это — одна из тех темных, мало понятных фраз, которые, надо это признать, попадаются-таки у Ключевского. В данном случае, как бы чувствуя недостаточность первого указанного им способа, он спешит сейчас же указать и другой: «Во-вторых, наблюдения над этими событиями и явлениями находит себе проверку в законодательстве, в практике управления и суда» *.

Таким образом, показателем «уровня общежития» Ключевский признает действующее в нем право, находящее себе выражение в законодательстве и в практике управления и суда. Еще определеннее свой взгляд на значение юридических памятников для историка Ключевский формулировал в «Истории сословий» (читанной в 1886 г.) и затем при разборе «Русской Правды» в «Курсе русской истории».

«Общество, как живое и мыслящее существо», читаем в «Истории сословий», говорит своим особым языком, не похожим на тот, каким выражается индивидуальный ум. Последний выражает свои идеи логическими понятиями или художественными образами, а первое говорит юридическими нормами». Поэтому в истории сословий памятники права являются «единственно надежными источниками» **.

Разбирая содержание «Русской Правды», Ключевский развивает ту же мысль в применении к частным, гражданским отношениям. «Гражданское общество складывается из очень сложных отношений юридических, экономических, семейных, нравственных. Эти отношения строятся и приводятся в действие личными интересами, чувствами и понятиями. Это по преимуществу область личности». Но эти отношения постепенно складываются в известный порядок, «вырабатываются рамки, которыми сдерживаются частные отношения, правила, коими регулируется игра и борьба личных интересов, чувств и понятий. Совокупность этих рамок и правил составляет право», которое получает выражение в обычае или законе. «Личные стремления обыкновенно произвольны, личные чувства и понятия всегда случайны, те и другие — неуловимы, по ним нельзя определить общего настроения, уровня общественного развития.

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 32.

** «История сословий в России», стр. 26.

Мерилом для этого могут быть только отношения, признаваемые нормальными и общеобязательными, а они формулируются в праве и через то становятся доступными изучению... Таким образом, памятники права дают изучающему нить к самым глубоким основам изучаемой жизни»*.

Тут есть некоторое логическое противоречие: юридические отношения ставятся наряду с экономическими и семейными, тогда как из дальнейшего изложения ясно, что последние получают свое общеобязательное выражение в праве, т. е. становясь юридическими отношениями. Но основная мысль Ключевского ясна: историку-социологу, желающему проследить развитие данного общества, руководящую нить дает история права.

Очень характерным в этом отношении является курс Ключевского, читанный им в 1884/1885 акад. году под названием «Терминология русской истории». Задачей его было «изучение бытовых терминов, встречающихся в наших исторических источниках», смысл которых стал уже неясным, — терминов политических, юридических и экономических. Но фактически тут разобраны только «политические» термины, и получилось сочинение, по своим задачам, по методу изложения и по содержанию, очень похожее на сочинение нашего виднейшего историка-юриста, во многом бывшего антагонистом Ключевского: я говорю о «Древностях русского права» В. И. Сергеевича, первый том которых появился в 1890 году**. Предметы практических занятий, которые велись Ключевским в университете в 80-х годах, тоже указывают на преобладающий интерес его к вопросам истории права. Они заключались в разборе Русской Правды, Псковской Судной Грамоты, Судебника 1550 года, Котошихина, договоров Олега и Игоря с греками, Новгородской Судной Грамоты***. Все это — памятники

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 272–274.

** По мысли Сергеевича, три тома «Древностей» вместе с его «Лекциями и исследованиями по древней истории русского права» должны были послужить «материалом для будущего исторического словаря русских юридических понятий и терминов» — см. предисловие к 3-му изд. «Лекций и исследований» 1903 года. Таков же характер и «Терминологии русской истории» Ключевского; программа ее очень похожа на обычные программы по истории русского права.

Пользуюсь случаем, чтобы принести глубокую благодарность С. Ф. Платонову, предоставившему мне свой экземпляр литограф. изд. «Лекций» Ключевского, где содержатся его курсы «Методология истории», «Терминология» и «Дополнения к общему курсу рус. истории».

*** В. О. Ключевский. Биографический очерк, речи и материалы для его биографии», изд. Моск. О-ва Истории и Древностей, М. 1914, стр. 20.

юридические (сочинение Котошихина¹⁸ представляет собой, в сущности, комментарий юриста-практика XVII века, приказного подъячего, к Уложению 1649 года); на них Ключевский считал нужным сосредоточить внимание занимающихся русской историей.

Ключевский пришел к тому выводу, к которому приходят разными путями многие современные мыслители. Так, известный французский социолог Вормс¹⁹ заметил, что «там, где успехи социологии были наиболее быстры и надежны, она опиралась на историю права и сравнительное правоведение», потому что юридические учреждения — это известная форма, которая обществом налагается на действия отдельных лиц. И эта форма, эти правила могут распространяться, охватывая их в большей или меньшей степени, на все явления совместной жизни людей: экономические, половые, нравственные и религиозные, эстетические, политические и т. д.* Ту же мысль, но в разной словесной оболочке, развивают в настоящее время и юристы: в Германии Штаммлер и у нас Петражицкий**²⁰.

Но схема Ключевского нуждается, прежде всего, в терминологическом исправлении. Названия «политический» и «экономический» указывают на случайный признак факта и не передают существа различия между ними. Суть дела заключается в противопоставлении двух способов юридической нормировки общественных отношений: нормировки из единого центра на основах власти и подчинения и нормировки децентрализованной, предоставляющей решающее значение свободной воле и инициативе отдельных лиц. Выражаясь обычными терминами юридической науки, это есть противоположение публичного и частного права. Исторически граница между этими двумя системами юридической нормировки была весьма подвижна. В частности, экономическая, хозяйственная жизнь народов знала обе системы. До последнего времени во всех культурных странах экономическая деятельность была по преимуществу

* Вормс, «Социология и правоведение», перев. Ю. В. Пг., 1900, стр. 9, 13–14.

** Штаммлер. «Хозяйство и право». СПб., 1907, рус. перев. Давыдова, т. т. I–II. Петражицкий, «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», СПб., 1907. т. т. I–II. Следует отметить, что первыми стали настаивать на зависимости хозяйства от права германские «катедер-социалисты» Шмоллер и Вагнер²¹ — см. разбор их у Чичерина («Собственность и государство», ч. I–II). Сам Чичерин близко подошел к формуле Штаммлера, что право есть «форма», а хозяйство — «материя»: «Экономические отношения движутся в формах, установленных правом, а право, с своей стороны, приспособляет свои формы к потребностям экономической жизни». «Философия права», стр. 268. Ср. его же «Курс госуд. науки», т. II, стр. 103.

предоставлена частной инициативе; поэтому и мог сложиться тот взгляд, который высказывается Ключевским, что задача устройства народного хозяйства и подъема производительности народного труда не есть по существу дело государства*. Тут сказывается — разрешите мне употребить это выражение — ограниченность буржуазного мировоззрения. До последнего времени рядовому европейцу экономическая жизнь казалась «естественной» областью личной свободы и личной инициативы; ему в голову не приходило, что и народное хозяйство может быть построено по тому же авторитарному принципу, как и военное дело, правосудие, иностранная политика и т. д. Но история говорит, что так бывало, и современность — по крайней мере, русская — возвращается к той же экономической системе.

И если мы заменим логически-неудачные термины: «политические и экономические факты» — понятиями «публичного» и «частного» права, то связь социологии с правоведением будет подчеркнута еще резче**.

Тут нам можно остановиться и подвести первые итоги. Основной заслугой Ключевского как социолога следует признать выяснение: 1) психологической природы общества и 2) методологического значения изучения права для познания общественных явлений. На втором месте, по моему мнению, стоит его работа по выяснению того процесса, которым вырабатываются новые идеи, процесса «исторического вымогания понятий», по образному выражению Ключевского. Тут решается проблема прогресса, вопрос о факторах движения в обществе — и решается совершенно самостоятельно.

* Устройство военных сил и финансовых средств и устройство народного хозяйства — это, говорит Ключевский, «очевидно, две существенно различные задачи; первая — основное дело государства; вторая ближе касается общества». «Курс рус. ист.», ч. IV, стр. 254. Это положение — мотто всех сочинений Чичерина. Ср. его утверждение что «экономические отношения не только фактически, но и по самому существу дела, управляются началами частного, а не публичного права». «Философия права», стр. 267.

** Эта мысль о двух порядках координирования поведения людей в общегитии, заложенная Гегелем, является одной из самых глубоких и, можно сказать, неискоренимых в социальной философии. У многих современных социологов замечается тяготение к возрождению гегелевской схемы. «Для социолога нет, быть может, различия более глубокого и более существенного, чем различие единства и системы», говорит, напр., Струве и подчеркивает заслуги Гегеля и Л. фон-Штейна («Хозяйство и цена», т. I, стр. 38–39). Весьма последовательно применяет конструкцию двух основных способов юридической нормировки общественных отношений проф. И. А. Покровский²² в своей прекрасной книге «Основные проблемы гражданского права», которая поэтому носит характер не только юридического, но и социологического исследования.

Мы уже видели, как «идеи перерабатываются в общественные отношения». Но Ключевский указывает и обратные процессы, когда «от общественных отношений отлагаются идеи»*. Эту мысль он теоретически почти не обосновывает; но при изложении хода событий в «Курсе русской истории» он дает яркие примеры «вымогания идей», когда факты навязывают новые понятия, но неподатливое мышление упорно перегибает их в сторону привычной нормы. Так, объединение Великороссии рождало в умах идею народного русского государства; но государство мыслилось по-прежнему как вотчина государя. Новые идеи, вызываемые новыми фактами, долго остаются «в фазе смутного помысла и шаткого настроения». Отсюда — та «логика полумыслей и политика полумер», которая так характерна для династии Московских Даниловичей**²³.

Большой запас новых политических понятий дало Смутное время. «Это — печальная выгода тревожных дней: они отнимают у людей спокойствие и довольство и взамен этого дают опыты и идеи. Как в бурю листья на деревьях переворачиваются изнанкой, так смутные времена в народной жизни, ломая фасады, обнаруживают задворки, и при виде их люди, привыкшие замечать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинают думать, что они видели далеко не все. Это и есть начало политического размышления. Его лучшая, хотя и тяжелая школа — народные перевороты»***.

В Смутное время стали сознавать, что государство не есть вотчина государя. Высшего напряжения русская политическая мысль, по мнению Ключевского, достигает в договоре 4 февраля 1610 года с королем Сигизмундом²⁴: тут появляется даже в определенных очертаниях идея личных прав. Но прошли эти беспокойные времена, и снова «мутный стихийный поток народной жизни затягивал илом частичные углубления народного сознания»****.

В этих рассуждениях мы находим решение известной проблемы о соотношении «бытия» и «сознания» в общественной жизни. Социологический идеализм утверждает, что «идеи управляют миром и переворачивают его» и что «весь социальный механизм покоится на мнениях»*****. Материализм утверждает обратное: «не сознание

* «Курс рус. истории», ч. I, стр. 27.

** «Курс рус. истории», ч. II, стр. 152, 172, 217, и ч. III, стр. 15 и след.

*** «Курс рус. истории», ч. III, стр. 82.

**** «Курс рус. истории», ч. III, стр. 49 и 85.

***** О. Конт «Курс позитивной философии», 1-я лекция («Родоначальники позитивизма», СПб., 1912. выпуск 4-й, изд. Брокгауз-Ефрон, стр. 19).

людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет сознание» *. С той точки зрения, на которой стоит Ключевский и которая кажется мне единственно правильной, нет вообще этого дуализма, этого разрыва между «бытием» и «сознанием». Факты индивидуального сознания — это тоже часть бытия, не более и не менее реальная, чем факты внешнего мира. Поскольку какая-нибудь идея получает широкое признание, она порождает определенные общественные отношения и таким образом определяет общественное «бытие»; с другой стороны, внешние факты наводят людей на новые идеи или обнаруживают непригодность старых — постольку (и только постольку) и можно говорить, что «сознание» определяется «бытием».

Таковы, по-моему, главные выводы — о природе общественных явлений, их развитии и о приемах их изучения, — которые может извлечь социолог из исторических трудов Ключевского. Конечно, у него можно найти еще очень много интересного материала, но для заключений уже более частного характера (напр., о роли личности в истории, об условиях «влияния» и «заимствования» между народами и т. д.). Я позволю себе на них не останавливаться и перейти прямо ко второй части моего доклада — характеристике Ключевского как политического мыслителя.

II

Каковы были политические взгляды Ключевского? Ответить на этот вопрос сразу затруднительно. Известно, что в 1905 году в комиссии Кюбеко он защищал свободу печати, а в Петергофских совещаниях²⁵ — демократический принцип представительства против сословного, произнеся в присутствии Николая II знаменитую фразу: «Да избавит нас Бог от того, чтобы в народном воображении восстал мрачный призрак сословного царя» **. Но до того он отнюдь не имел репутации политического радикала. То любовное отношение, которое он проявил к московскому прошлому в «Боярской думе» и в некоторых статьях, по-видимому, дало повод «сферам» считать его консерватором, и в 1893–1895 го-

* Маркс «К критике политической экономии», предисловие. Цитирую по переводу Струве в «Сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 460.

** «Петергофские совещания», 2-е изд. Пг., 1917. ст. 94. См. выше, прим. на стр. 153.

дах Ключевский по поручению императора Александра III читал курс русской истории великому князю Георгию Александровичу в Абас-Тумане²⁶. Весьма вероятно, что его не пригласили бы на Петергофские совещания, если бы знали, что он там скажет*. Когда прошли тревожные дни первой русской революции, Ключевский был избран членом Государственного совета от академической курии, но от избрания отказался и вообще устранился от активного участия в политической жизни. Таким образом, тут мы видим некоторые колебания, которые разъяснятся, если мы установим эволюцию политических взглядов Ключевского, эволюцию, которая, по моему мнению, характерна для части русского общества.

Я различаю две фазы в развитии политического мирозерцания Ключевского, причем хронологическим рубежом между ними является смутный 1905 год.

В 80-х годах прошлого столетия, когда научная слава Ключевского была в полном расцвете, он относился к политическим учреждениям Западной Европы, которые были мечтой наших либералов, весьма сдержанно. Отчасти это обуславливалось тем, что Ключевскому политическая свобода Запада казалась неизбежно связанной с ее цензовыми ограничениями (как это утверждал Чичерин). В «Истории сословий» он дает такую картину политического строя Западной Европы. Общество разбито на множество пылинок, одиноко стоящих индивидов, участвующих в государственном управлении пропорционально количеству платимых налогов. «Благодаря такому сочетанию, современные европейские государства представляют сложный механический прибор, построенный на юридической и экономической сделке, который, соединяя в одно целое одинокие, разбитые лица, своей тяжелой деятельностью вырабатывает им благо, носящее на языке Западной Европы название политической свободы»**.

Тут деятельность механизма конституционного государства представляется «тяжелой», и «благо, называемое на языке Западной Европы политической свободой», очевидно, не вызывает восторга. Правда, немного раньше, в первоначальном тексте «Боярской думы», очевидно, имея в виду народнические настроения, сильные

* Ключевский рассказывал Милюкову «со свойственным ему лукавым юмором, как он попал в самое ядро дворянской группы, рассчитывавшей видеть в нем «своего» В. О. Ключевский. Характер. и воспомин., стр. 215.

** «История сословий в России», стр. 14.

тогда в студенчестве, Ключевский предостерегал от излишнего пренебрежения к политической свободе, от политического индифферентизма. «На Западе... можно поручиться, что как бы далеко ни зашли там в равнодушии к политическим формам, новым или старым, ко многим из этих последних там уже не воротятся, не захотят и не сумеют воротиться». А у нас, «где не заметно ни такого навыка, ни таких вкусов... имеют ли право разделять это равнодушие?» Но и тут у него проскальзывает меланхолическая фраза, оправдывающая это равнодушие: «Опыт учил не раз, что благодеяния конституционного порядка могут, по крайней мере на некоторое время, ограничиться успехами парламентской риторики, что *laissez-faire*²⁷ может превратиться в огражденную законом эксплуатацию общества одним классом». Эта фраза, по замечанию Милюкова, «сделала бы честь Прудону и Бакунину»²⁸. Но благодаря широте ума и мягкости своей натуры, Ключевский остался чужд революционному народничеству²⁹, (хотя оно все-таки, несомненно, отразилось на тогдашних его взглядах): господствующей нотой его политического настроения долго оставался спокойный, мягкий скептицизм.

Но политический скептицизм Ключевского с течением времени, по-видимому, усиливался и в пору политического безвременья конца прошлого столетия принял оттенок глубокой грусти. Об этом настроении Ключевского мы можем судить по его замечательной статье «Грусть», посвященной Лермонтову (напечатана в 1891 г.)³⁰. На эту статью уже обратил внимание С. Ф. Платонов. Однако я позволю себе остановиться на ней несколько подробнее, так как в ней мы найдем и объяснение причин этого настроения.

Лермонтов, по мнению Ключевского, вернее всех других поэтов отразил основное настроение русского народа — грусть; основная струна его поэзии до сих пор звучит в народной жизни. Грусть — это чувство, которое нелегко определить. Когда разрушается идеал, сознается его нелепость, наступает не грусть, а отрезвление. Когда люди признаются недостойными идеала, наступает разочарование, «мировая скорбь». Но грусть — ни то, ни другое. Грусть овладевает человеком, когда идеал остается непоколебленным, и люди по прежнему кажутся достойными его

* См. статью Милюкова в сборнике «В. О. Ключевский, Характ. и воспомин.», стр. 213–214. Он же вспоминает, что в своих беседах со студентами на политические темы Ключевский «мнения свои высказывал очень уклончиво, чем немало сердил нас». Там же, стр. 195.

и достойными любви — но не видно средств достигнуть идеала. Тогда рождается грусть, в которой мечта о недостижимом согрета любовью к грустной действительности. «В грусти теряют надежду достигнуть желаемого и любимого и даже мирятся с этой безнадежностью, но не теряют ни любви, ни желанья». Это есть «торжество печального сердца над своею печалью, примиряющее с грустной действительностью»: «как часто грустят, чтоб не злиться!» *

Эта грусть, по мнению Ключевского, имеет глубокие корни в русской жизни. Необычайная теплота, искренность и лиризм статьи свидетельствуют, что она вполне соответствовала и личному настроению автора. Но почему? Какой недостижимый, но все-таки непоколебленный, любимый идеал носился перед его умственным взором?

Об этом идеале Ключевский поведал нам как-то вскользь в своей «Истории сословий».

Он устанавливает такую схему «преимущественно сменявшихся общественных союзов»: кровный союз, сословное государство, современное классовое государство и «государство будущего». В кровных союзах правят старейшие по возрасту; современным государством прямо или косвенно управляют более состоятельные. В будущем «может быть, и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например, науке, знанию; по крайней мере, о возможности управлять посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь». Место ценза займут ученые степени, «и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами». Прототипом кровного союза является семья; прототипом современного цензового государства — акционерная компания; наконец, будущее государство знания устроится по образцу школы **.

В будущем «государстве знания», разумеется, не нужно будет такого огромного аппарата принуждения, который составляет неотъемлемую принадлежность современного государства. В том же направлении наряду с наукой работает церковь. Она воспитывает людей с целью заменить принудительные требования права свободной потребностью в правде, и когда эта цель будет достигнута,

* «Второй сборник статей», статья «Грусть», гл. обр., стр. 123–127. Ср. статью Платонова в сборн. «В. О. Ключевский. Характер. и воспомин.», стр. 98.

** История сословий в России. С. 21–22.

«когда эта потребность станет достаточно сильной и общей, тогда исчезнет и нужда в самом праве» *.

В этих упованиях мы поднимаемся на чисто платоновские высоты. Идеал этот стар, как стара политическая философия, и, по-видимому, прочен: ученые всегда будут мечтать, что общество так же внимательно будет слушать их, как слушает их аудитория. Но откуда почерпнуть надежду в его осуществимость?

Ключевский, по собственному своему заявлению, не был оптимистом — оптимизм, как и фатализм, говорит он, не склонен к историческому размышлению. Он исходит из анализа русской действительности, а этот анализ давал грустные выводы. Наша культура — чахлое, слабое растение; и главное — она у нас не сближает людей, не объединяет общества, как в Западной Европе, где она творится дружными усилиями множества лиц и частных союзов. У нас «социальное неравенство еще усиливалось нравственным отчуждением правящего класса от управляемой массы». Западноевропейская культура в России захватила только верхи общества **.

Духовенство наше, которое в глазах Ключевского должно было бы играть важную роль в воспитании народа, оказалось ниже всякой критики. На страницах своего «Курса русской истории» он неоднократно бичует его недостатки в самых резких выражениях: оно не сумело «внушить уважения к себе, ни к храму Божию» и «дело церковно-пастырского воспитания нравственного чувства в народе превратило в полицию совести» ***. Об отношении Ключевского к русскому дворянству мне уже пришлось говорить. Что касается среднего, торгово-промышленного, класса, то у нас его почти нет: попытки Петра I и Екатерины II насадить у нас буржуазию по западному образцу оказались неудачными ****.

* Второй сборник статей. С. 114 — статья «Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка». В данном случае Ключевский дальше всего отходит от Чичерина, который утверждал, что право вечно, что нравственный идеал не осуществим принудительно, не осуществим и путем свободы, потому что «свобода добра» всегда останется и «свободой зла». «Философия права». С. 222.

** Курс русской истории. Ч. III. С. 7–8.

*** «Курс рус. истории», ч. IV, стр. 53, 221. Ср. «Курс», ч. II, стр. 355.

**** Одна из мечтаний Екатерины II, говорит Ключевский, были осуществлены после нее так, как она и не мечтала, «а другие были упразднены самою жизнью, как излишние, какова была мысль о создании среднего рода людей в смысле западноевропейской буржуазии». «Второй сборник статей», стр. 303–304 (статья «Императрица Екатерина II» напечатана в 1896 г.).

Но ведь остаются еще многомиллионные народные низы, и прежде всего — пролетариат, новый класс, от которого многие ожидают нового слова, обновления старого мира! Как смотрел Ключевский на эту возможность?

Ключевский был, прежде всего, историк, который знал больше всего прошлое своего народа. А в прошлом народные низы им отнюдь не идеализировались. Мы знаем уже его характеристику малороссийских хлопков и казаков ко времени Богдана Хмельницкого³¹. Так же сурово он отнесся и к низам московского общества, поднявшимся во время Смуты против господ под предводительством Болотникова³²: у них, говорит Ключевский, едва ли можно предполагать что-либо похожее на политическую мысль; они добивались не какого-либо нового порядка, а личных льгот — воли, чести и богатства, причем главным орудием борьбы было попросту истребление высших классов*.

Историческими судьбами русского крестьянства Ключевский очень интересовался и, помимо известных статей «Происхождение крепостного права в России» и «Подушная подать и отмена холопства в России»³³, посвятил ему много внимания в «Курсе русской истории». Но нигде Ключевский не идеализировал крестьянина, не возлагая никаких надежд на «крестьянский мир», общину и т. д.

Что касается борьбы пролетариата с капитализмом, то Ключевский не считал ее неизбежной и признавал возможность мирного сотрудничества труда с капиталом. Бывает, говорит он в «Курсе русской истории», что «капитал убивает свободу труда, не усиливая его производительности», но бывает и так, что капитал «помогает труду стать более производительным, не порабощая его»**. О социализме он нигде не говорит ни слова и, как мы видели выше, не предполагает возможности его осуществления.

Итак, анализ культурного состояния русского общества приводил к неутешительным выводам. Пропасть между верхами и низами ничем не заполнялась — среднего сословия не было. В дополнительных лекциях к общему курсу русской истории, читанных в 1883 году, Ключевский так рисует классовый строй современного русского

* «Курс рус. истории», ч. III, стр. 58 и 57.

** «Курс рус. истории», ч. I, стр. 8. Ср. стр. 14. За институтом собственности Ключевский признавал «огромное нравственное влияние» — «на собственности впервые пробовала личность свою силу. Вот почему успехи лица связаны с развитием собственности; история собственности есть история постепенного высвобождения лица из под гнета массы, среди которой оно явилось». «Методология истории», стр. 60.

общества: «Во главе народа верховная власть, сосредоточенная в одном лице; под нею — масса черного народа, которым по поручению верховной власти руководит землевладельческий класс; и между этими тремя силами жмутся сравнительно маленькие переходные слои: чиновничество, духовенство, горожане — жмутся, как бы ожидая, не придет ли кто оправдать их существование»*. «Нравственное отчуждение», говорит Ключевский, начавшись еще в XVII веке, «легло между господами и простым народом, разъедавая энергию нашей общественной жизни, дошло до нас и переживет всех теперь живущих»**.

Вот источник грусти Ключевского. Идеал — бесконечно высок, так что и западноевропейская культура вызывает скептическую усмешку у его последователя. А русское общество не только бесконечно далеко от него, но и не имеет основной предпосылки для приближения к нему, для прогресса, — единой культуры как действующей силы...

Это настроение преобладало в 80-х и 90-х годах. В статье, написанной по поводу убийства Г. Б. Иоллоса³⁴, Ключевский писал, вспоминая прошлое: «С покойным Г. Б. судьба свела меня в конце 80-х годов, в памятную тяжелую пору. Мы тогда разделяли с ним много дружеских печальных бесед»***.

Но вот наступала японская война, а за нею смута 1905 года. Ключевский полностью использовал печальную выгоду этих тревожных дней. Политическое миросозерцание его вступило во вторую фазу и получило яркое воплощение на страницах «Курса русской истории».

Задачей «Курса» Ключевский ставил образование «сознательно и добросовестно действующего гражданина». У каждого поколения есть свои идеалы, для осуществления которых «необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения» и неизбежны борьба и жертвы****. Но для «энергии действия» необходима уверенность в осуществимости идеала. И тут платоновский идеал «государства знания» слишком высок, чтобы стимулировать достаточную энергию; он хорош

* Литограф. издание А. Ф. Гартвиха (по экземпляру С. Ф. Платонова, стр. 46).

** «Курс рус. истории», ч. IV, стр. 442.

*** «В. О. Ключевский. Характ. и воспомин.», стр. 124. А. Ф. Кони³⁵ вспоминает, что в первой половине 90-х годов в их беседах с Ключевским по поводу преследований «инако-мыслящих» «в голосе и выражениях Ключевского звучала негодующая скорбь». Там же, стр. 154–155.

**** «Курс рус. истории», ч. I. стр. 38 и 37.

только для ученых мечтателей. Поэтому Ключевский выставляет уже другой идеал, гораздо более элементарный: обеспечение свободы личности и развития народности в форме «народного правового государства». Но для защиты этих сравнительно скромных требований Ключевский нашел необычайно сильный, то вдохновенный, то резко-негодующий язык, которого у него не было для проповеди «государства знания»...

Искра просвещения постепенно разгорается «в осмысленное стремление к правде, т. е. к свободе». Правда и свобода тут синонимы. «Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть». Ошибку Петра он видел в том, что Петр пытался совместить просвещение с полным подавлением свободы. «Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе не разрешенная». Петр вводил все насильственно, «строил правомерный порядок на общем беспорядке, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина»*.

Этот культ свободной личности как «всеоживляющего элемента» совмещается с культом государства. «Значение народа как исторической личности заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении». Но это «призвание» народ может осуществить, лишь приобретя государственное бытие. «В государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»**.

По поводу этих рассуждений Ключевского об историческом призвании народа проф. В. М. Хвостов замечает, что в них, пожалуй, «сквозит скрытая метафизика»***. Такая осторожность выражений здесь мне кажется совершенно излишней. Тут перед нами не скрытая, а вполне явная и совершенно определенная метафизика — именно гегельянская. Поэтому совершенно неправильна

* «Курс рус. истории», ч. IV, стр. 293 и 476.

** «Курс рус. истории», ч. I, стр. 35 и 12.

*** Хвостов, «Нравственная личность и общество», очерк VII — «Историческое мировоззрение Ключевского», М., 1910, стр. 237.

попытка Б. И. Сыромятникова противопоставить Ключевского как историка-реалиста старой метафизической, национально-государственной школе Соловьева и Чичерина. Ключевского нельзя отрывать от этой школы; он развивает, а не отрицает взгляды своих великих учителей*.

Корни его политической идеологии восходят к одному из тех двух общественных течений в русском прошлом, которые, по выражению Ключевского, «как речки в песчаной пустыне, всего более оживляли вялую общественную жизнь» — ум Ключевского воспитался в идеях «западничества». И именно после 1905 года Ключевский стал гораздо более определенным западником, чем был раньше. Смутные дни заставили его искать прочной идеологической базы для ответа на жгучие вопросы дня, и он нашел ее в той социальной философии, которая была воспринята им в годы учения, но затем затемнилась другими влияниями, господствовавшими в конце XIX века.

Правда, сам Ключевский старался сохранить видимость нейтралитета между славянофильством и западничеством, утверждал, что тут было просто «разделение труда». В «Курсе русской истории» он захотел «мимоходом отметить привлекательные особенности обоих направлений. Западники отличались дисциплиной мысли, любовью к точному изучению, уважением к общему знанию; славянофилы подкупали широкой размашистостью идеи, бодрой верой в народные силы и той струйкой лирической диалектики, которая так мило прикрывала в них промахи логики и прорехи эрудиции»**. Тут сразу видно, что оценка обоих направлений, с точки зрения ученого, очень различна: в западниках указываются черты крайне ценные в научной школе; напротив, отзыв о славянофилах столько же насмешлив, сколько добродушен. Вот почему я не могу согласиться с Милюковым, что «на стороне западников лежит ум Ключевского», а «к славянофильству он склоняется сердцем» и что он «сумел сочетать в одном высшем синтезе их привлекательные особенности»***. Когда идет вопрос о преемственности идей и о научных школах,

* Это убедительно доказывают Любавский и Богословский³⁶ в сборнике «В. О. Ключевский. Характ. и воспомин.». Статья Сыромятникова — там же (см. стр. 83). Но я не совсем согласен с формулировкой Любавского, что «экономист Ключевский не отрицал, а только дополнял юриста Соловьева» (там же, стр. 54). Конечно, Ключевский обращал больше внимания на экономику, чем Соловьев; но он был все-таки больше юристом, чем экономистом, и юристом он был более, чем Соловьев.

** «Второй сборник статей», стр. 12, «Курс рус. истории», ч. III, стр. 337.

*** В. О. Ключевский. «Характ. и воспомин.», стр. 200.

противопоставление «ума» и «сердца» едва ли уместно. Конечно, Ключевский мог с одинаковой симпатией относиться к представителям обоих направлений. Он мог сочувствовать настроению славянофилов, их бодрой вере в народные силы (которой у него самого не было). Но как учений он не мог следовать направлению, в котором ему ясны были «промахи логики» и «прорехи эрудиции». И анализ исходных посылок и приемов исторического исследования Ключевского ясно указывает на связь их с западничеством.

Чтобы показать, как далек был в этом отношении Ключевский от славянофильства, я и приведу сначала длинную цитату из статьи одного из виднейших славянофилов, К. Аксакова, написанной по поводу VII тома «Истории» Соловьева. «Человеку как общественному лицу и как народу предстоит путь внутренней правды, совести, свободы, или путь правды внешней, закона, неволи. Первый путь есть путь общественный, или, лучше, земский; второй путь есть путь государства. Первый путь есть путь истинный, вполне достойный человека». Но удержаться на нем трудно — «для тех, которым совести мало, мало суда внутреннего, нужен суд и наказание внешнее. Человек прибегает к другому пути. Заманчив этот путь, гораздо, по-видимому, более удобный и простой: внутренний строй переносится во вне, свобода, источник которой внутри человека, понимается только как порядок, наряд, устройство, институт; основные начала жизни понимаются как правило; совесть понимается как закон. Это путь не внутренней, а внешней правды, не совести, а закона. Начало, лежащее в основе такого пути, есть начало неволи, начало, убивающее жизнь и свободу... Таков путь государства... Путем государства пошла Западная Европа... Славянские народы представляют нам иное начало общины. Славянские народы, русский народ по преимуществу есть народ безгосударственный. История застаёт их в состоянии общины, следовательно, уже в высокой степени человеческого совершенства, ибо состояние общины не есть естественное состояние (такое состояние был бы родовой быт, которого и следов история у славян не находит)... На Западе государство — это принцип, идеал народов. В славянском мире государство — неизбежная крайность, средство ради несовершенства человеческого рода»*.

Тут, прежде всего, бросается в глаза резкое отрицание государства: начало государства есть неволя, оно убивает жизнь и свободу;

* Аксаков К.С. По поводу VII тома истории России г. Соловьева / Сочинения. М., 1883., стр. 242–243.

свидетельством особых духовных сил русского народа признается, что он народ безгосударственный. У Ключевского, как мы уже знаем, напротив, государство необходимо для образования и развития народности; только в государстве племя, естественный союз, становится народом, определенной «исторической личностью»; государство (наряду с церковью — тоже внешней, принудительной организацией) признается важнейшим фактором культуры и развития общегития.

Для славянофилов государство заменяется другим союзом — общиной, исконным явлением славянского мира. Известно, что вопрос о происхождении русской крестьянской общины был одним из коренных пунктов расхождения между историками-славянофилами и западниками; полемика по этому поводу между Чичериным и Беляевым очень характерна. На чьей же стороне в этом споре оказался Ключевский?

В «Методологии истории» мы находим совершенно определенный ответ. Критикуя мнение Мэна³⁷, что русская община древнее индусской, он говорит, что «наша поземельная община, как известно (sic!), самая поздняя в мире и создана чисто искусственно... ее создали в XVII веке две чисто политические силы: помещик — крепостной владделец и дьяк финансового управления»*. Таким образом, Ключевский считал спор в общем решенным в пользу Чичерина.

Известно, какое значение придавали славянофилы земскому собору как самобытному явлению русской истории, смысл которого заключался в обнаружении свободного голоса народа, земли: «Царю — сила власти, земле — сила мнения». Напротив, западники, во главе с Чичериным, указывали на сходство земских соборов с западноевропейскими сословными собраниями и подчеркивали слабость и неразвитость первых по сравнению со вторыми. В статье «О составе представительства на земских соборах» (посвященной Чичерину) Ключевский примкнул опять-таки к западникам, заявив, что ему «предстоит не перерешать вопрос, а только продолжить его решение», выяснив социальный состав земских соборов. Выполненная им кропотливая работа над выяснением этого вопроса привела его к выводам, уничтожающим самые задушевные верования славянофилов. Оказалось, что в XVI веке соборы были всего только «совещанием правительства с своими собственными агентами», что собор восполнял недостаток рук, а не воли и мысли**.

* «Методология истории», стр. 135.

** Первый сборник статей. С. 474 и 586.

Но все это все-таки детали... Коренное расхождение со славянофилами ясно обнаруживается в историческом *методе* Ключевского. Действительно, он берет в основу исследования политические и экономические факты, облеченные в известную юридическую форму. Но ведь это — путь «внешней правды», путь государства, которое «каменит» народ законом, учреждением, определенным порядком. Русский народ не пошел по этому пути, он народ безгосударственный, и, следовательно, познать его душу по этим внешним проявлениям нельзя. Но Ключевский был историк-юрист по своему методу и думал проникнуть в самые глубокие основы русского прошлого, изучая его юридические памятники.

Любопытна та критика славянофильских взглядов на общественные классы в истории, которая дается Ключевским в «Истории сословий». У славянофилов, говорит он, термин «народ» покрывал собою общество, а под «народом» они разумели преимущественно или исключительно простонародье. Но нельзя было отрицать того очевидного факта, что в русской истории из народной массы выделялись высшие слои. Из этого противоречия выпутывались или утверждая, что высшие классы не отрывались от народа нравственно, проникались одинаковым духом, или же, напротив, уверяя, что высшие классы оторвались от народа и стали отщепенцами, изменившими народным началам и ставшими поэтому чуждым фактом в истории народа. «Честь единодушия всецело падала на народ, а ответственность за антагонизм возлагалась на высшие классы. Сообразно такому взгляду, главным источником изучения истории общества выбирались не памятники права, а либо предания о массовых, гуртовых движениях народа, либо жалобы древнерусских публицистов на неправды высших сословий по отношению к народу»*.

Идеал славянофильской «правды», как известно, «не влезал в формы узкие юридических начал». Тон «Курса русской истории», где все время чувствуется протест против «самовластия» во имя свободных политических, «внешних», форм, есть антитеза славянофильству.

* История сословий. С. 28–29. В «Дополнениях» к общему курсу русской истории, читанных Ключевским в 1882 г., к этим, приведенным в тексте, рассуждениям прибавлена фраза: «Такого направления держаться известные славянофилы, держаться и их позднейшие последователи» — тут, очевидно, разумеются народники (Литорафированное издание лекций Ключевского А. Б. Гартвиха. С. 45).

Очень показательна для характеристики отношения Ключевского к славянофильским идеалам речь его, посвященная «памяти в Боже почившего Государя Императора Александра III»³⁸. Ключевский оценил «историческое содержание» этого царствования как глубокий перелом в отношении западноевропейских народов к русскому и русского к ним — перелом в высшей степени важный для судеб цивилизации. «Еще при Александре II мы мирно совершили ряд глубоких реформ в духе христианских правил, следовательно (sic!), в духе европейских начал». При Александре III Западная Европа «признала Россию органической, необходимой частью своего культурного состава, природным членом семьи своих народов»*. Таким образом, вольное или невольное сближение с Западом представлялось Ключевскому главной заслугой царствования Александра III, этого «царя-националиста», постепенно перешедшего от декоративного славянофильства к грубому «истинно-русскому» национализму с его триединой формулой: «самодержавие, православие, народность».

Конечно, политическое миросозерцание Ключевского не было простым повторением старого западничества. Всякая политическая идеология развивается, имеет свою историю. Сущность этого развития хорошо выясняется сопоставлением взглядов Ключевского со взглядами Чичерина. Исходные пункты своего политического миросозерцания Ключевский заимствовал у последнего. Самое определение государства дается Ключевским по Чичерину: основными элементами его он считает верховную власть, народ, закон и общее благо**. Для нас, юристов, этот перечень звучит несколько странно; мы привыкли считать три (а не четыре) элемента государства — народ, территорию и верховную власть. У Чичерина заимствовано также отождествление «правды» и «свободы» и вообще культ свободы личности***.

Но между ними есть и очень существенная разница. Чичерин видел в цензовом конституционализме последнее слово политического развития, и всякий шаг к дальнейшей демократизации госу-

* Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. IV. С. 4–7.

** Курс русской истории. Ч. III. С. 15. Определение Чичерина: «Государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага» (Курс государственной науки. Т. I. С. 3).

*** Основание «правды» заключается «в признании лица самостоятельной целью и свободным деятелем во внешнем мире». «Корень всякого права есть свобода лица» (Философия права. С. 104).

дарственного строя казался ему признаком упадка. Демократия, утверждал он, «никогда не может быть идеалом общежития». Идеалом его был союз трех аристократий: аристократии родовой, денежной и умственной*. Идеалом Ключевского было демократическое, «народное правовое государство». И я думаю, что демократом Ключевский был не только потому, что происходил из глубоко-демократической среды. Политическое мировоззрение Чичерина рано остановилось в свое развитии и затем как бы окаменело. У Ключевского был совершенно другой склад ума — гибкий и чрезвычайно чуткий. Для него не прошло бесследно новейшее развитие политических учреждений цивилизованного мира в духе их демократизации. Он умел учиться у событий.

Ключевский не переоценивал значения перехода России к конституционному строю. Говоря об обещании указа 12 декабря 1904 года, он замечает, что около них «все еще, спустя половину десятилетия, уже при существовании народного представительства, ведется ожесточенная борьба непримиримых между собой общественных классов и политических понятий»**. Умиротворение общества не достигнуто; политическая борьба продолжается; но ей поставлены определенные цели, и она признается необходимой.

В общем, смысл эволюции политического мировоззрения Ключевского можно вкратце передать словами: «С небес на землю». Первоначально идеал был настолько высок, что можно было не обижаться на людей, неспособных осуществить его. Поэтому Ключевский не сердился, а только грустил. Все политические достижения Западной Европы, всякие конституционные свободы и парламенты, казались мелкими, ничтожными, не стоящими особых усилий.

Но внешние факты «вразумили» тех, кто способен был на политическое размышление. Они доказали ценность этих благ западноевропейской культуры. Пусть они не устанавливают идеального состояния; пусть совершенно недостаточны с точки зрения отвлеченного морализма. Этим отвлеченным соображениям, по красивому выражению проф. Новгородцева³⁹, русское общество могло противопоставить «непосредственное чувство людей, задыхающихся от недостатка воздуха и света». Конечно, жить в светлом и просторном доме не значит еще иметь все, что нужно для полноты

* Философия права. С. 276. О «возрождении аристократии» см. «Курс государственной науки». Т. II. С. 424–425.

** «Краткий обзор рус. истории», изд. 8-е, М., 1917, стр. 228.

человеческого существования; но это такое наглядное и бесспорное благо, за которое стоит бороться*.

На этом я кончаю свой доклад. Тема его отнюдь не исчерпана; но я и не стремился к этому. Моей задачей было обрисовать в общих чертах значение и место Ключевского в развитии русской общественной мысли и выяснить самые основы его социальной философии. Взгляды Ключевского особенно интересны с точки зрения настоящего момента, когда рушились старые идеалы и старые верования, и ход событий «вымогает» новые понятия. Но основа всей культуры — в преемственности развития; поэтому выработку новой социальной философии надо начинать с разбора той, которая завещана нашими учителями. И я позволю себе заключить доклад словами Чичерина: «Наука только тогда идет твердым шагом и верным путем, когда она не начинает каждый раз сызнова, а примыкает к работам предшествующих поколений, исправляя недостатки, устраняя то, что оказалось ложным, восполняя пробелы, но сохраняя здоровое зерно, которое выдержало проверку логики и опыта»**.



* Новгородцев, «Кризис современного правосознания», стр. 5.

** Чичерин, «Философия права», стр. 24.